

**ДЕТЕКТИВ**  
СИЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ

ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ  
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ  
**ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ**

**РОМЕО ДОЛЖЕН  
ПОВЗРОСЛЕТЬ**

**ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР  
ВСТРЕЧИ**

**ЖЕНЩИНА  
В ЛУННОМ СВЕТЕ**

**СПАСИ МЕНЯ,  
ПОЖАЛУЙСТА!**

**ДОМ БЕЗ ПРИВИДЕНИЙ  
СТАРШАЯ ПОДРУГА**

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**ЖЕНЩИНА  
В ЛУННОМ  
СВЕТЕ**



Москва  
2022

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Б86

**ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!**

**МЫ В СОЦСЕТЯХ:**

[www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru)

 **vmirefiction**

Оформление серии *А. Дурасова*

Редактор серии *А. Антонова*

**Бочарова, Татьяна Александровна.**

Б86 Женщина в лунном свете : [роман] / Татьяна Бочарова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой).

ISBN 978-5-04-120367-2

После смерти жены Иван потерял интерес ко всему. Перестав следить за собой, он остался без работы и оказался на больничной койке. Казалось, бы, надежды нет, но неожиданно для себя Иван нашел новый смысл жизни. Случайное знакомство с прекрасной незнакомкой, в которую он влюбился с первого взгляда, казалось бы, обещало ему счастье... Вот только эта женщина вскоре пропала, а когда Иван начал искать ее, выяснилось, что ее давно нет в живых! Кто же сводит Ивана с ума — неужели призрак? Или вполне реальный человек?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120367-2

© Бочарова Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2022

---

---

Нина умерла в апреле. Стоял погожий денек. С утра ярко светило солнце, заливались птицы в ветвях старой березы под окнами. Она лежала в постели, маленькая, сухая, точно былинка, глаза ее были открыты и смотрели на Ивана доверчиво и спокойно. Он сидел рядом и подавленно молчал. Он не знал, что сказать.

Нина все понимала. Она понимала, что сейчас ее не станет. Лицо ее было отрешенным и безмятежным. А вчера еще она мучилась от боли, кусала губы, в глазах были страх, страдание.

За ночь все переменялось. Боль ушла, страх тоже. Она позвала Ивана.

— Давай я Борьке позвоню, — предложил он, испугавшись этой внезапной безмятежности и тихости жены.

— Не надо, — попросила она, едва шевеля запекшимися губами, — зачем? Он на работе сейчас. Вечером освободится, придет. А то в выходные.

Иван понял, а ранее, почувствовал, что Нина специально так говорит — она знает, что до вечера не доживет, не то что до выходных. Не хочет, чтобы сын видел ее конец. Тем более Борька не один придет, а с Зойкой, супругой,

будь она неладна. Зойка свекровь ненавидит. Зачем Нине в последние свои минуты терпеть рядом эту змеюку?

Иван согласно кивнул и сел возле кровати жены нести свой крест, свою вахту. Оба молчали, одна лежа под одеялом, другой сидя на новом, недавно купленном дерматиновом стуле с металлической спинкой. Каждый вспоминал одно и то же — общую их молодость.

Иван думал о том, как быстро все промелькнуло — каких-то тридцать лет, и нет юности, нет озорной зеленоглазой девчонки с каштановыми кудрями и сочными розовыми губами. Нет весенних пьяных вечеров, поцелуев в сквере на скамейке, сердца, стучащего в груди от оглушительного счастья: «Влюблен! Женюсь!» Куда все подевалось? И почему так внезапно и скоро?

А Нина думала о том, что, несмотря на горькие слезы последних десяти лет, на бедность и безденежье, на тяжкую болезнь, растерзавшую ее плоть, она все же была счастлива. Если б не Ванино пьянство, то и совсем счастлива. Потому что знала твердо — любовь у них была, взаимная, яркая, как в фильмах показывают. А ради любви все можно стерпеть: и нужду, и ссоры, и бегство из дому повзрослевших детей. И даже мужнино пристрастие к алкоголю.

Вот так они молчали и вспоминали, а за окном надрылась маленькая серая птаха, выводя трели и рулады на старой, выдавшей жизнь березе, среди ветвей, покрытых набухшими почками, готовыми пустить первую листву...

На похороны приехала сестра Нины, Татьяна. Она жила в Минске и была старше Нины на пять лет, но выглядела гораздо моложе нее. Татьяна поселилась у них в квартире, хлопотала, звонила непрерывно по телефону, по-хозяйски гоняла Ивана, Борьку и даже Зойку. На кладбище она тоже всем заправляла, а уж на поминках и вовсе чувствовала себя генералом.

Сам Иван казался себе маленьким и ничтожным, и ему хотелось стать еще более незаметным, залезть под стол и спрятаться там от сочувственных и одновременно осуждающих взглядов родни и друзей. Он смотрел на большой портрет Нины, стоявший в торце стола, перевязанный траурной лентой. На нем жена, молодая, белозубая, смеялась, словно давая понять Ивану: все в этой жизни проходяще, не стоит так уж убиваться.

Иван наливал стопку за стопкой, ему не хотелось смотреть на Нинину улыбку. Нина давно не была такой — ослепительно красивой, полной сил и юного задора. Она была худой и угасшей, с пожелтевшим лицом, воспаленными глазами, тихим голосом. Но именно это была его Нина, та, которую он держал за руку во время ее последнего вздоха...

Поминки Иван запомнил плохо. Все утонуло в хмельном угаре. Дней пять или больше он не просыхал, а когда очнулся — за окном было темно, а кругом тишина. Иван, с трудом заставив тело шевелиться, сел на диване. Где все?

Где Борька, Зойка, где Татьяна? Бросили его одного в горе и беспомощности, гады.

— Борька-а, — позвал Иван и не узнал своего голоса, надтреснутого и едва слышного. — Борь, ты где? Плохо мне, сынок...

Ивану действительно было хреново: голова точно свинцом налита, в глазах тошнотворная зелень, под ложечкой тянущая тупая боль.

— Борька-а...

— Ну чего ноешь-то? Иду я, иду, — послышался спокойный голос.

В комнату зашла Татьяна.

— Проснулся? — Она укоризненно покачала головой. — Свинья ты, Ваня, какая же свинья! Тебе лишь бы водку жрать. Ниночки нет, царствие ей небесное. — Татьяна всхлипнула и перекрестилась. — А у тебя все одно на уме. Эх... — Она безнадежно махнула рукой.

Иван между тем заметил цепким натренированным взглядом в другой ее руке поллитровку. Славная Танька баба, понимающая, не даст пропасть родственнику.

— Танюш, вот те крест, завяжу я. — Иван нетвердой дрожащей рукой положил знамение. — Это ж я от горя. Как я без Ниночки? Что я теперь... — Он не договорил, голос его сорвался, глаза наполнились слезами.

Татьяна вздохнула и, приблизившись к дивану, села рядом.

## Женщина в лунном свете

---

---

— Эх, Ваня, Ваня. — Ее теплая мягкая ладонь коснулась его шевелюры. — Ведь неплохой мужик. Как ты так жизнь свою профукал? Все питье твое, будь оно неладно. И Ничочку на тот свет раньше времени спровадил, она-то любила тебя, дурня, переживала, убивалась. Вот и допереживалась...

Они сидели на диване обнявшись, застыв в неизбежном горе, и молча тихо плакали. Первой пришла в себя Татьяна:

— Вот что, Ваня, ты выпей, опохмелись. Я там яишенку пожарила с колбаской, пойдем, тебе поесть надо. Ты с поминок голодаешь, ничего, кроме водки, в рот не брал.

Иван послушно двинулся за ней в кухню, присел к столу, как всегда, бывало, садился, ожидая, пока Нина поставит перед ним тарелку с едой. И вдруг с новой болью и остротой ощутил — не будет больше он так сидеть, с нетерпением глядя в спину хлопчущей у плиты жены. Никогда больше не посмотрит она на него усталыми и добрыми глазами, не скажет с дружеской усмешкой: «Ну что, папочка, проголодался? А у нас сегодня вареники на ужин...»

Иван уронил голову и уставился в столешницу. Татьяна подала ему скворчащую сковородку и вилку. Иван налил стопку, за ней другую, третью. Постепенно его отпустило, пелена перед глазами рассеялась, тошнота прошла.

— С работы звонили, — сказала Татьяна.

— Чего им? — рассердился Иван. — Могу я жену похоронить, в конце концов?

— Так больше недели уже прошло. — Татьяна грустно улыбнулась.

— Как больше недели? — не поверил Иван. — Я думал, пара дней.

— Завтра девять дней. — Татьяна все так же грустно покачала головой. — Отметим, и поеду я.

— Куда поедешь? — не понял Иван.

— Домой поеду, горе ты луковое. У меня там внуки, огород, хозяйство брошено. Не могу ж я с тобой здесь вечно сидеть да водкой тебя поить.

Иван молча смотрел на Татьяну, не зная, что сказать. Он боялся остаться один в пустой квартире, боялся, что ночью явится к нему Нина и начнет упрекать, что не берег ее при жизни. И будет права. Но он же мужик, не пацаненок, чтобы вцепиться в Татьянину юбку и просить не уезжать, не бросать его.

— А на работу сходи, — проговорила Татьяна, забирая пустую сковородку. — Там сердятся уже, говорят, подводишь ты их, заказы срываешь.

— Схожу. — Иван обреченно кивнул.

### 3

Назавтра он принял душ, долго брился, придирчиво разглядывая свое опухшее и красное лицо в круглом зеркале над раковиной. Надел чистую рубашку, аккуратно при-

чесал влажные волосы. Снова оглядел себя в зеркале, уже в стенном шкафу.

Нина всегда говорила, что Иван не выглядит на свой возраст. Она была права. Может, дело было в его поджарости или в густых, без единой проплешины волосах, доставшихся ему по наследству от деда и отца.

Так или иначе, никто Ивану не давал его пятидесяти двух. Вроде нестарый совсем мужик, вот только по лицу видно, что злоупотребляет алкоголем. Нина рядом с ним последние годы выглядела значительно старше, хотя была моложе на четыре года. Иван на всякий случай втянул еще больше и так плоский живот, приосанился, расправил плечи. Зачем-то откашлялся и поехал к начальству на разборки.

Фирма, в которой он работал электриком, находилась недалеко, шесть остановок на автобусе. Иван ехал и смотрел в окно. Вот уже почки сменились первыми зелеными листочками, и травка молодая всюю зеленеет. И солнышко так ласково светит. А Нины нет. Как так? Как может быть, что он — вот, едет себе, глядит на солнце, на птичек, прыгающих по асфальту, а она не видит всего этого, не слышит веселого звона трамвая, капель первого весеннего дождя, ничего, ничего не слышит и не видит...

Он едва не проехал свою остановку, задумавшись. Выскочил из дверей, споткнулся, больно подвернув ногу. Тихо, сквозь зубы, выругался и почувствовал, как его неудержимо тянет выпить. «Потом, вечером, — успокоил он сам

себя. — Схожу по заказам, денежку заработаю. А вечером можно. Как раз девять дней».

Начальник смотрел на Ивана равнодушно и одновременно нетерпеливо.

— Как уволен? — Тот ничего не понимал. — Объясните, за что?

— Что тебе объяснять, Андреев? Мы в твоих услугах больше не нуждаемся. Ждать, пока ты выйдешь из запоя, у нас нет ни времени, ни денег.

— Но у меня жена... да как вы... как не стыдно вам! Я же ну похоронил, девять дней сегодня... — Иван почувствовал, как к лицу прилила кровь.

— Сочувствую твоему горю, Иван Палыч, но у нас частная фирма, тут каждый день год кормит. Клиентов терять никак нельзя, а ты подвел. И хоть бы предупредил, позвонил.

— Я звонил! — Иван задохнулся от гнева и несправедливости.

— Какое там. — Начальник махнул рукой. — Мы тебе звонили, ты трубку не брал. Да если б это первый раз было, Андреев! Так ведь не первый. И не второй. Иди. Ступай с богом, а горю твоему мы соболезнуем.

Иван хотел возразить, внутри у него все клокотало от боли и ярости. Но неожиданно он почувствовал, что не может ничего сказать. Да, действительно периодически он не выходил на работу. Срывался на неделю, потом еще несколько дней приходил в себя. Его терпели на фирме, потому что специалистом в своей области он был хоро-

шим. Терпели, терпели, да и надоело. Когда-нибудь всему приходит конец.

— Ладно, — хрипло проговорил Иван и взялся за дверную ручку. — Ладно, вы еще пожалеете. Еще просить будете, чтобы я вернулся. А вот вам! — Он показал начальнику кукиш.

Тот пожал плечами, все так же равнодушно глядя куда-то мимо Ивана. Он вышел в коридор и с силой захлопнул дверь, вкладывая в этот хлопок все свои злость и боль. Рванул туго затянутый галстук — вот дурак, еще и удавку с утра повязал. Он шел, прихрамывая, по длинному узкому коридору и говорил сам с собой. Нет, не только с собой, еще и с Ниной. «Так-то они со мной, — жалобно шептал Иван, — разве я заслужил? Столько лет верой и правдой! И руки у меня золотые, сам начальник сколько раз говорил!» А голос Нины в его голове отвечал мягко и печально: «Но ты ведь понимаешь, что прав он, твой начальник. Кто будет пьянство терпеть? Никто. Сам виноват».

Так, споря сам с собой, он дождался автобуса, доехал до своей остановки и тут же зашел в «Пятерочку». Татьяна увидела его, нагруженного пакетами с бутылками, и всплеснула руками:

— Ты что это, Ваня! Куда столько водки?

— Так ведь девять дней!

Иван торопливо протиснулся мимо нее в прихожую. Руки его тряслись от нетерпения. Скорей, скорей, чтобы ничего не помнить, чтобы все забыть — и начальника, и зеленую травку, и, главное, это проклятое сияющее солнце...

На следующий день Татьяна уехала. Перед тем как отправиться на вокзал, она долго плакала, глядя на бесчувственного угрюмого Ивана. Позвонила Борису:

– Ты ж смотри, отца не бросай. Болен он. И с работы его выгнали. Помогайте ему, навещайте.

Борька промывчал что-то невразумительное в ответ. Трубку тут же выхватила Зойка:

– Вон как, он пьет, а мы должны ходить за ним да приглядывать! Еще, может, и содержать его на свои кровные? Вот если б он квартиру на нас отписал, тогда да, конечно. Зачем ему одному целая трешка? Что он в ней делать будет?

Татьяна послушала, плюнула и в сердцах бросила трубку. Окинула последним взглядом Ивана, пробормотала: «Эх, бедолага» – и, подхватив чемодан, уехала.

Вечером Ивану позвонила дочь Маша из Сан-Франциско. Маша была замужем за американцем, звонила редко и никогда не приезжала, объясняя это тем, что билеты дорогие, все они в своем Франциско сильно занятые, да и не принято среди американцев много общаться с родственниками. Вот и на похороны матери Маша тоже не приехала, а Иван ждал ее, надеялся. Думал, внучку привезет, Юльку, ей шесть будет осенью. Они с Ниной только по скайпу ее и видели, а живую ни разу.

– Привет, пап, – бодро проговорила Маша. – Ну, как ты там?

## Женщина в лунном свете

---

---

Он только что принял очередные сто грамм, поэтому в жилах его приятно бурлила кровь, а язык слегка заплетался.

— Доча! Здравствуй, доча! — пропел в телефон Иван. — Я ничего. Держусь. — Он икнул и прикрыл трубку рукой.

— Снова выпил? — укоризненно произнесла Маша. — Даже сейчас не можешь удержаться? В такое-то время.

— Молчи, доча! — Иван погрозил трубке пальцем. — Ты... что ты понимаешь! Сидишь там у себя в Америке, едрить ее... а мамка умерла, нет ее больше. Понимаешь, нет мамочки нашей...

Тут Иван снова заплакал, хлюпая носом и отирая слезы, катящиеся из красных глаз.

— Ты держись, пап. — Голос Маши смягчился. — Не пей. Заботься о здоровье. Я... я, может, приеду скоро к вам. Если получится.

— Приезжай, Марусенька, приезжай! И Юленьку привози! Вы теперь все, что у меня осталось. Борька со своей стервой Зойкой только и ждут, чтобы я вслед за Ниночкой отправился.

— Что ты такое несешь, пап! — Маша едва слышно вздохнула. — Связь дорогая, не могу больше говорить. Давай не глупи. Целую.

— Целую, доча!

Она выключилась. Иван налил еще рюмку, закусил вчерашней оладушкой, испеченной Татьяной. Сел на диван, уронив руки.

Вот она, жизнь. Никому не нужная, пустая и одинокая жизнь. Детям он без надобности, Нинки нет. Работы нет. Деньги еще пока есть, что-то откладывали они с Ниной, но скоро и они закончатся. И хоть волком вой в четырех стенах — на помощь никто не придет.

Иван поколебался и набрал давнего армейского приятеля Семена. Раньше, в молодые годы, они близко дружили семьями. Потом Иван стал пить, а Семен, напротив, преуспел, организовал свой бизнес, фирму, предоставляющую ремонтно-бытовые услуги. Пути их разошлись, но, несмотря на это, периодически они перезванивались и иногда, правда редко, встречались пропустить по пиву.

— Здорово, Палыч! — приветствовал Ивана Семен. — Как жив-здоров? Про Нину твою в курсе. Соболезную. — Семен деликатно покашлял в трубку.

— Если честно, Сэм, хреново жив. — Иван тяжело вздохнул.

— Ты давай, держись, старик! Раскисать нельзя.

Иван поморщился. Как же все они достали его с этим «держись». Неужели нет какого-нибудь другого слова для таких случаев?

— Вот что, Сэм, поперли меня с работы. Так что я, как говорится, в свободном полете.

— Как поперли? — удивился Семен. — За что? Небось за пьянки твои вечные?

Иван подавленно молчал.

— Я так понимаю, тебе помощь нужна? — спросил напрямую Семен.

— Если можно, — неловко пробормотал Иван. — Может, у вас там нужны мастера?

— Не, братан, у нас полный комплект. Но ты погоди, не переживай. Я что-нибудь придумаю. Перезвоню тебе через денек-другой. Деньги-то есть у тебя?

— Пока есть.

— Ну вот и славно. Ты смотри там, меру знай. Горе горем, а так и белочку словить недолго.

— Ну что ты, я ни-ни, — пообещал Иван.

— Знаю я твое ни-ни, — вздохнул Семен. — Ладно, на связи.

Иван отложил телефон, подумал и налил себе еще стопку. Он сидел и вспоминал, как они с Ниной радовались, когда Маша поступила в иняз. До этого она два года занималась с репетиторами, окончила английскую школу с единственной четверкой, все остальные были пятерки. Для их скромной семьи это была победа. Иван и Нина ужасно гордились тем, что дочка выбилась в люди, будет учиться в престижном вузе, общаться с молодежью из высшего общества. И потом, когда Маша окончила институт с красным дипломом и ее пригласили переводчиком в крупную международную компанию, тоже были на седьмом небе от счастья. А напрасно. Именно там совсем юная двадцатидвулетняя Маша встретила Генриха, солидного тридцатипятилетнего бизнесмена из Штатов. Он увлекся, потерял голову. Вот тут Нина и Иван забились тревогу — разница в возрасте большая, да и неизвестно, что за человек,

а уже речь всюду идет о том, чтобы увезти дочь далеко от родительского дома, в Америку. Маша только смеялась, глядя на их волнения и страхи: «Мам, пап, я же не на луну лечу, а в самую лучшую страну в мире. Там все для людей, там возможности другие. Вот встану на ноги, вас туда перетащу. Хоть поживете по-человечески на старости лет!» Нина плакала, Иван угрюмо хмурился и наливал очередной стакан. Борька, тогда еще студент колледжа, как мог, успокаивал родителей:

– Да что вам, пусть едет. Родня в Америке – это же круто!

Вот и вышло, круче не бывает. Маша уехала и пропала. Сначала года полтора скучала по дому, по близким, – звонила, писала, обещала приехать. Потом родилась Юлька – и как отрезало. Редкие звонки раз в месяц, короткие эсэмэски – у нас все в порядке. Не нужны они стали Маше, не нужны. А тут и Борька женился, привел в семью Зойку. И пошло-поехало: скандал за скандалом, ненависть, отчуждение...

Может, с этого все и началось – Иваново пьянство, Нина болезнь? Каждый нашел свою лазейку, убегая от тоски по их привычному, уютному миру, который рухнул, разрушился, распался на обломки... Что поделаться теперь, прошлого не вернуть. Надо выживать, хотя зачем это – Ивану не совсем понятно. Были бы рядом дети, внуки, тогда ясно. А когда днем и ночью один...

Иван вздохнул, вытер скучную мужскую слезу, набежавшую на глаза, и потянулся к бутылке.

Семен обещание сдержал, устроил Ивана в сервисный центр внештатным мастером-электриком. Без трудовой, по договору, на одиночные заказы. Заказы подворачивались нечасто, свободного времени у Ивана оставалось пруд пруди. И это было ужасно. Будь он занят с утра до вечера, может, и не думал бы постоянно о Нине, об обеде, нанесенной бывшим работодателем, о предавших его детях, об одиночестве. А главное – не смог бы беспрепятственно пить. Но Иван был свободен, за исключением тех редких моментов, когда ему звонили и вызывали на объект.

Его захватили тоска и отчаяние. Просыпаясь по утрам в пустой квартире, он лелеял лишь одну мысль – побыстрее приложиться к спасительной бутылке. С ней, палочкой-выручалочкой, жизнь казалась более или менее сносной, но лишь до того момента, когда хмель сходил на нет. Тогда нужно было снова бежать в магазин, покупать волшебное лекарство от лютой тоски. И так несколько раз на дню.

Иван старался не опускаться, следить за собой. Ежедневно принимал душ, стирал и гладил одежду, даже отжимался с гантелями по утрам. Но из зеркала на него смотрел все более затравленный и убитый мужик. Говорить ему было не с кем, и одинокими пьяными вечерами он вспоминал, как они с Ниной душевно беседовали. Сидели на диване перед телевизором и болтали обо всем на свете. Как же

здорово все это было, а он, дурак, не понимал и не ценил своего счастья. Даже ссоры, которые были у них нередки в последние годы, — даже они сейчас вспоминались с особой теплотой и грустью. Потому что с кем сейчас спорить? Только с зеркальным шкафом в спальне...

В постоянном подпитии дни слились в одну серую, унылую череду. Иван не заметил, как наступило лето, как буйно зазеленели деревья во дворе. Грозы сменялись удушливым зноем, а он все ходил по привычной пыльной дорожке в «Пятерочку» и носил оттуда звенящие стеклом пакеты.

Затем и лето прошло. Пришел сентябрь с освежающей и ласковой прохладой, с чистым голубым небом и тихими дождями. Как-то утром Иван проснулся от сильной боли в животе. Что-то точно ножом буравило под ложечкой, выворачивая нутро наизнанку. Он привычно опрокинул стопку, думая, что это лучшее лекарство от любой боли, но не тут-то было — его скрутило еще сильнее. Задыхаясь от невыносимой боли, Иван с трудом поднялся и, скрючившись в три погибели, побрел в кухню. Залез в шкафчик, где Нина хранила всякие лекарства, разыскал но-шпу и кинул в рот сразу две таблетки. Минут через десять ему немного полегчало. Он выпил чаю, принял холодный душ. Проглядел сообщения на телефоне и нашел эсэмэску с заказом. Боль притаилась где-то внутри, оглушенная но-шпой. Иван чувял ее, ноги у него дрожали, на лбу выступила испарина. Хотелось прилечь. Однако он заставил себя одеться, взять инструменты и поехал на вызов.